

Оглавление

Часть I	5
Глава 1. Гвунны	7
Глава 2. Лечение	17
Глава 3. Сестрёнка	23
Глава 4. Открытие	28
Глава 5. Встреча с Диной	33
Глава 6. «Не такой»	49
Глава 7. Служитель	64
Часть II	89
Глава 1. Альбинос	91
Глава 2. Дерево	101
Глава 3. Спилили	130
Глава 4. Давуд	140
Глава 5. Новая школа	152
Глава 6. Испытание	155
Глава 7. База	163
Глава 8. Дина и мать	177
Глава 9. Четверть Луны назад	187
Глава 10. Давуд и его отец	202

Часть III.....	207
Глава 1. Наби в больничной палате	209
Глава 2. Освобождение	214
Глава 3. Размышления	227
Глава 4. Любовь	236
Глава 5. Вместе.....	247
Глава 6. Игра на пандуре.....	255
Глава 7. Патхун	276
Глава 8. Пещера.....	283
Глава 9. Наби и Иблис	286
Глава 10. Снова один. Почти	297

Серия «НЕОРОМАН»

Разработка серии и дизайн *В. А. Воронина*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется
по закону*

Часть I

Глава 1. Гвунны

Стоит открыть дверь, высунув за неё веснушчатую голову, как мир, набитый невидимыми для обычного глаза человека существами, обескураживает мой и без того мутный взгляд. Оттого я и не люблю вылазки наружу. Спущу жалюзи, закрою двери и тщетно попытаюсь стереть ластиком воображения «нечто» с улиц, с мелко насаженными острыми зубами в зияющей красной пасти.

Это моё проклятие. Я вижу их, а они — меня. Я боюсь их, а они — меня. Раньше, когда лицо моё было чисто от навязчивых мелких коричневатых брызг солнца, а губы и щёчки — пухлы, я думал, что этот мир видят таким все люди. Правда мне открывалась медленно — вопиюще жестоким образом, подобно тому, как снимают пластырь, вытягивая по волоску из кожи, или шатая иглу, вонзившуюся в вену, не удосужившись хотя бы придержать её пальцем.

Все дети любят гулять. Их выводят на свежий воздух в погоне за свежим

румянцем — под возгласы слащаво сюсюкающей, но на самом деле ни на йоту не умиляющейся соседки. Вместе с несвежим лицом такой дамы, отталкивающей своей наскоро вбитой в щёки крупной пудрой, надо мной склонялся тёмный призрак в грязной копоти, словно размытый плаксивым дождём. Если этот мир наносит всем остальным людям один удар за другим монотонно и щадяще, то меня он прям с рождения хрястнул ударом хай-кик, который прошиб насквозь. Мне оставалось лишь одно при виде таких женщин — заплакать и отвернуться.

Мир мамы, полный чаяний и надежд на сына, стал рушиться, как только я начал говорить. В каждом человеке я видел это «нечто». Я их зову гвуннами. Они — вроде кучеров. Вроде лошадь идёт сама, но всегда в ту сторону, куда направляет её кучер. Почти так же у гвуннов с людьми. Почти. Есть исключения, хотя их и очень мало. Крайне мало. За всё время существования на земле лично я видел только одного человека, не управляемого гвунном. У всех гвуннов разный размер, в зависимости от возраста, и степень безобразия, в зависимости от предпочитаемых его человеком грехов.

Почему я назвал их именно так? Те гвунны, что подольше оставались возле

Четверть луны назад

меня со своим человеком, подметив, что я их вижу, (позже я измерил это время, когда они подмечают в моём взгляде неладное — ровно полторы минуты) распахивали круглые пустоцветные глаза и, открыв рот прямоугольными воротами с копыями бордово-синих зубов, произносили: «Гвунн, гвунн, гвунн...»

И если рядом оказывались другие прохожие, то все их гвунны, услышав жухлое бормотание собрата, начинали вторить ему в той же невыносимой манере.

Мне становилось неистово тоскливо, будто душу мою засасывает воронка чёрной дыры. Я ревел, призывая на помощь мать, и с остервенением прижимался к ней, зарывшись головой под её жакет или длинный платок. Постепенно мать подметила, что я успокаиваюсь лишь по мере отдаления от места X, и в дальнейшем не пыталась меня обнимать, поднимать, успокаивать (всё это неоднократно заканчивалось провалом), а просто быстро уводила меня подальше. Мамин гвунн, к счастью, меня никогда не видел. То есть не замечал, что я его вижу. Не знаю почему. Он дико озирался, когда запевалы начинали свой невыносимый ор, в поисках объекта их внимания, но никого не находил.

Постепенно я научился притворяться, что не вижу их. Перестал подмечать их черты, вглядываться, выдавать глазами страх и тошноту от их вида, указывать пальцем на гвуннов гостей или прохожих. Потому что от таких действий мне попадало не только в виде рёва гвуннов, но и доставалось от родителей, которые мало-помалу начали подозревать во мне неладное. Тихо перешёптывались с бабушкой, звали знахарей, обливали святой водой.

Я был очень глуп, когда был маленьким, потому что говорил всё, что видел. Теперь-то я уж точно знаю: нельзя рассказывать обо всём, что видишь. Не всякий поймёт, да и не всякому это нужно, как оказывается.

— Его змеиный язык лезет тёте в ухо.

— Толстый, пропахший тухлым яйцом, ест с дядей его еду. Подставляет свой огромный рот перед ртом дяди, и сначала еда попадает в рот гвунна, а уже после, провонявшая его слюной, попадает в рот дяди. А дядя ничего не понимает. Всё ест и ест, не чувствуя сытости.

— Гвунн в дяденьку выпустил жёлтый дым, — это когда один из гостей увидел у сослуживца красивую жену. «Выскачка», — всадил гвунн ему в голову мысль.

Четверть луны назад

И тот решил не повышать по службе «счастливца».

Мои возгласы нагоняли на мать дикий страх, она не знала, куда себя деть от смущения. Отец выпроваживал меня в свою комнату, а после, глупо улыбаясь, оправдывался перед гостями:

— Насмотрелся мультиков-ужастиков.

— Да-да, — соглашались гости. — Портят детей с младенчества!

— А я вот запрещаю своим смотреть всякую мультяшку, — всегда вставляла моя тётя, костявая, с выпуклым лбом.

Она чрезвычайно гордилась тем, что правильно воспитывает своих детей, а глядя на меня, молча качала головой. Ведь я был доказательством пагубного влияния всяких мультяшек. И сцена повторялась ещё не раз. Мать цепенела, отец валил всё на мультики, тётя вставляла напутственное слово, а её гвунн наполнялся красно-смоляным оттенком.

Вечно так продолжаться не могло, и меня перед приходом гостей стали заранее отводить в мою комнату. Я же тогда ещё не знал, что никто, кроме меня, гвуннов не видит, поэтому не мог понять, почему нельзя про них говорить.

Пока папа, собравшись с духом, не решил со мной серьёзно побеседовать. Отец

Сахиб Шихмирзаева

мой работает бухгалтером в «Газпроме», но мечтает о создании уличного очистителя воды.

— Скажи мне, пожалуйста, зачем ты говоришь эти вещи?

— А почему про них нельзя говорить, папа, если они всё время в нашей жизни? Они всюду вмешиваются и шепчут людям всякие плохие слова.

— Ты взаправду видишь этих «гвуннов», о которых говоришь?

— Да, вижу.

— И-и-и... даже сейчас?

— Да.

— И что они делают?

— Я вижу твоего гвунна, папа. Твой и мамин гвунны меня не видят. Вернее, не видят, что я их вижу.

— Сынок, послушай меня очень внимательно. Всё, что ты рассказываешь... Всего этого нет. Всё это — твоё воображение. Гвуннов не существует.

— Не существует? Как же не существует, если я их вижу? Если они повсюду, и от них нет спасения. Я был бы рад, если бы все они исчезли. Твой очень часто шепчет тебе, что ты устал. Так и говорит: «Я устал, Боже мой, как я устал от всего!» И ещё он часто напоминает тебе о новой сотруднице. Говорит: «Какая она миленькая, слушает

Четверть луны назад

всегда внимательно, не то что моя». А ещё, когда ты хочешь поработать над своим проектом, он говорит тебе, что время уже упущено: «Слишком поздно. Да и когда я его закончу? Туда надо слишком много всего подготовить. Да и рискованно. Не факт, что одобрят мой проект, выделяют средства, и даже если выделяют, может всё прогореть... Тогда и работу потеряю, и там ни с чем останусь. А у меня дети. Куда уж мне!»

— Так что же получается, ты слышишь мои мысли? Есть такие люди, их называют телепатами. Возможно, что ты тоже такой! — взбодрился отец. Видимо, быть телепатом лучше, чем видеть гвуннов.

— Вот я сейчас подумаю о чём-нибудь, а ты вслушайся и повтори то, что услышишь в моей голове. Хорошо?

Отец присел рядом со мной на корточках, прищурил глаза, кивнул головой и заулыбался.

— Ну, давай!

Я смотрел на него, но ничего не слышал. Гвунн его молчал и, как и я, вглядывался в него, пытаясь понять, чем он так сильно взволнован.

— Ну скажи, скажи, что я внутри себя проговариваю!

— Я ничего не слышу папа, твой гвунн молчит. Ты думаешь, что все мысли

в твоей голове — твои, но я слышу только те, что шепчет тебе твой гвунн.

— Получается, ты не слышишь мысли... Но тогда как же про новую сотрудницу, про проект? Ты не мог их придумать. Или, может быть, ты слышишь их лишь изредка? Конечно! — заключил отец. Возможно, нужно какое-то состояние, и ты пока не научился этим управлять. Это надо выяснить, — он уставился в окно и на минуту впал в задумчивость.

— Ну а маму ты тоже слышишь?

— Как и тебя.

— И что именно?

— Маме он шепчет гадости про тебя и меня, и ещё на кошку сердится, как она под ноги попадётся: — Да чтобы ты сдохла, наконец! Гвунны не любят кошек. Вот вчера, когда ты долго не приходил с работы, он нашёптывал ей: «Наверняка у него есть другая. Всегда во всех фильмах они говорят, что задерживаются на работе, а на самом деле...» А про меня шептал: «Твой ребёнок ненормальный, с ним явно что-то не так. Что люди говорить станут? Может, бабушку спросить? Хотя она скажет, что всё это из-за того, что я Богу не молилась». А мать огорчается, злится, но слушает, и чем больше слушает, тем чаще эти вещи он ей говорит и повторяет. Не

Четверть луны назад

встречал ни одного хорошего гвунна. Они все злые, ненасытные, радуются, когда их слушают.

Потом отец долго курил свои сигареты — одну за другой, ходил по комнате, садился и опять курил. Зашла запыхавшаяся мама с пакетами в руках и, едва отдышавшись, начала причитать:

— Надо же! Только до рынка дошла — и сразу дождь пошёл!

Платок у неё спал с головы и висел на шее. Прошла на кухню, на ходу бросила взгляд на меня — удостовериться, всё ли хорошо.

— Ты вообще в своём уме? Ребёнок в соседней комнате, а ты накурил так, что не продохнуть! — зашла она на кухню к отцу.

— Загра, он действительно что-то видит и что-то слышит. Это не выдумки, как мы раньше думали. И я боюсь, что видит он этих...

— Кого? — уставилась на него мать, а затем нетерпеливо повторила: — Ну, кого?

— Нечистых, — затушил он недокуренную сигарету, стараясь не глядеть на жену.

— Да ну? Не говори ерунды! Нельзя верить всему, что говорит ребёнок. Они

Сахиб Шихмирзаева

не умеют ещё отличать выдумки от реальности.

— Он мне озвучил некоторые мои мысли. И даже твои.

— Ну, к примеру, что такого он сказал?

И отец пересказал ей наш разговор, утаив про новую сотрудницу.

— Ничего, — ответила мать. — Мы его вылечим. У моей однокурсницы дядя — психотерапевт. Я завтра же запишусь к нему.

Глава 2. Лечение

Так и записали меня к учёному доктору. Мама сказала, что он лечит голову словами. Я не против. Главное — уколов не делает. Словами не больно. Хотя и словами тоже бывает по-разному. Вот когда услышал нечаянно разговор мамы и папы про себя, было очень больно.

— Он бесноватый, — говорила она шёпотом отцу. — Его надо лечить. Серьёзно лечить.

После этих слов я почувствовал боль, как будто в новогоднюю ночь бросили пептарду прямо в твоё сердце.

Врачи всё не устраивали маму. Сначала к одному месяц ходили, потом к другому. Когда одной серой докторше в очках я сказал, что гвунн отделил её сердце от головы, и что она теперь отделена от собственного света, мне назначили таблетки, после которых добрую половину дня я спал.

Как же она меня вылечит, если сама верит словам своего гвунна? Она мне задала нарисовать семью. Ну, я рисую, тут гвунн